

Караваны грузовиков начали прибывать уже на следующий день.

По-видимому, группа, к которой принадлежала Александрия, как бы она ни называлась, имела гораздо больше влияния на правительство, чем я предполагала. Бумажная волокита, как и заявления ФЕМА о том, что они просто не могут оказать помощь в такие сжатые сроки, развеялись по ветру, будто их и не было.

Или, возможно, это и так должно было произойти, и я приписывала происходящее тем, кто ничего не сделал.

В любом случае, это было отлично. Эту ночь люди провели без одеял, а ветер был переменчивым. Это означало, что полы нагревались лишь иногда. Конечно, некоторое время кирпич удерживал тепло, но после того, как прошло три часа без электричества, пол начинал остывать.

Я использовала кирпичи для удержания тепла, и, тем не менее, я ничего не могла поделать с тем, как сложилась ситуация этой ночью.

Тем не менее, люди, казалось, всё ещё были мне благодарны, хоть и не слишком преодолели благоговение передо мной. Я помогала с перемещением припасов, чтобы другие машины могли быстрее к нам подъехать. Часть дня я провела, разрешая споры между соседями.

Я не была уверена, почему люди приходят именно ко мне. Несмотря на все мои силы, я продолжала оставаться 15-летним подростком. Может быть, это было из-за того, как ко мне относились докеры и члены АПП. А может, я просто казалась им более доступной фигурой, чем Лунг.

Вероятно, также, что это происходило из-за того, что полиция и городская администрация всё ещё пребывали в беспорядке.

Хотя я и обчистила часть города, чтобы построить убежища, повсюду до сих пор стояли пустые транспортные контейнеры. Поэтому, как только у меня выдалось свободное время, я собрала их вместе и расплавила, создав коммуникационную башню на ближайшем к моему спальному месту краю лагеря.

Затем, следуя инструкциям дедушки, я создала маленькие радиоприёмники, которые раздала докерам и людям Лунга. Представители городских властей не хотели, чтобы к их системе связи имело доступ АПП, поэтому я просто проигнорировала их.

Это позволило нашей стороне быстрее реагировать на чрезвычайные ситуации и, в некотором роде, мы получили больше влияния, чем городские власти. К тому же, теперь я была более осведомлена о том, что происходило в городе. Меня можно было сравнить с военачальником, который безо всяких усилий контролировал город.

Это волновало меня меньше, чем я изначально думала. Помощь людям нужна была прямо сейчас, а не тогда, когда правительство продерётся сквозь все бюрократические препоны.

Чрезвычайные ситуации всё же происходили — были диабетики, которые впадали в кому, люди, которые загадочным способом оказывались зарезанными посреди ночи, а некоторые каким-то образом умудрялись падать в лагерные костры. Невозможно было разместить на небольшой площади сто тысяч человек и обойтись без происшествий.

В сторону медицинских палаток шёл непрерывный поток людей. Иногда пострадавших несли

члены АПП. Другие члены АПП, которые вызвались работать в полевом госпитале, оказывали посильную помощь в разгрузке людского потока.

В администрации мэра работали неглупые люди. Они ясно видели, что власть утекает из их рук, поэтому они обратились ко мне с просьбой.

Я сделала для себя металлический стул, хотя, по всеобщему признанию, он был слишком большим для того, чтобы называть его стулом. Зато он был достаточно высоко расположен, чтобы мне открывался хороший вид на окрестности, а спинка его была достаточно высокой, чтобы защитить меня от выстрела в спину. Называть его троном было неоправданно, но люди всё равно упорно продолжали это делать.

Впрочем, тот факт, что мэр подошёл ко мне, держа в руках снятую шляпу, заставлял чувствовать себя немного странно.

— Закон гласит, что только лицензированные электрики могут работать с линиями электропередач, — заговорил он. — Что, в общем-то, очень хорошо обоснованно. Но людям нужно электричество, чтобы они могли начать восстанавливать город.

— Я бы хотела помочь, — ответила я. — Но что я могу сделать?

— Мы бы хотели, чтобы вы стали помощником электрика, — сказал он. — Просто берите с собой лицензированного электрика, который официально должен выполнять эту работу. Официально проделанная работа будет считаться его заслугами. Неофициально...

— Вы хотите, чтобы я починила линии электропередач, — подвела я итог. — Разве здесь есть материалы для этих работ? Или вы хотите, чтобы я всё проделала, полагаясь на свои силы?

— Сегодня весь день привозили материалы, — сказал мэр. Он выглядел немного смущённым. — Пока что мы не успели уточнить, что было доставлено.

Я поднялась на ноги. Починка линий электропередач звучала лучше, чем выслушивание новой порции излияния подозрений на тему того, что один сосед украл обед у второго.

Очень скоро стало ясно, что моё мнение было ошибочным.

Поначалу дело двигалось неплохо, так как я учила, что и как нужно будет делать. Я сидела на своём троне, который я расширила на ещё одно место для человека по имени Тони. Ему было прилично лет, достаточно, чтобы приходиться мне дедушкой... со стороны отца, а не матери, потому что дедушка со стороны матери был явно настолько старый, что с него могла вековая пыль сыпаться.

Он настоял на том, чтобы мы использовали страховочные тросы, к которым можно будет пристегнуться — как будто падение без страховки не убьёт его так же быстро, как обычное. Зато мне не нужно было так сильно сосредотачиваться на его безопасности.

Я хотела провести электрическую сеть под землёй и сделать парочку улучшений, но Тони настаивал на том, что если правительство не будет знать, где находятся линии, то рано или поздно кто-нибудь до них в прямом смысле докопается.

Дедушка знал как сделать «умную» сеть, но Тони настаивал на использовании стандартной системы, чтобы люди, которые после будут её обслуживать, могли это сделать, а не гадали, что со всем этим делать. Было очевидно, что пытаться самому разобраться в действии новых схем

небезопасно.

И тем не менее, я могла ремонтировать линии намного быстрее, чем обычный работник, который должен был использовать машину для повторного подъема опорных столбов линий электропередач, и который должен был беспокоиться о том, были ли линии под напряжением или нет, когда они сами медленно поднимались вверх по столбам.

Мы начали восстановительные работы с основных линий электропередачи. Судя по всему, бригады электриков уже несколько дней оценивали ущерб, нанесённый городу, начав почти сразу после окончания боя. Несмотря на отсутствие электричества и связи, они составляли список того, что нужно было сделать вручную.

Начали мы работать с тех основных линий, поскольку их восстановление должно было вернуть большую часть электричества обратно в город и восстановить пошатнувшуюся репутацию правительства в глазах обычных людей. По-видимому, в работе с электрическими сетями самой большой проблемой были мелкие ответвления, провода на которых были безжалостно порваны и представляли опасность для окружающих, но починка которых помогла бы только нескольким домам.

На работу с ними уходила целая вечность просто потому, что их было очень много.

В первую очередь мы позаботились о том, чтобы электричество было подведено к больницам и домам престарелых.

Замена опорных столбов была наиболее трудоёмкой частью процесса. Рабочая бригада могла поставить за день два таких столба. Я установила 160 за десять часов. Это смогло освободить много рабочих групп, которые могли заняться другими делами.

Тони сказал, что на работу по замене трансформатора уйдёт всего два часа, если у него не будет внутренних повреждений. У энергетической компании, конечно, не было столько людей, сколько я успела за день установить столбов, но они делали всё возможное.

К тому времени, когда я закончила работать, вид города сверху начал походить на лоскутное одеяло. Всё ещё были участки вообще без электричества, но по сравнению с предыдущей ночью всё выглядело намного лучше. Первой областью, где вновь появилось электричество, стали районы богачей. Я была не особо удивлена, ведь именно там находился главный госпиталь и другая необходимая инфраструктура.

Кроме того, наиболее бедные районы напрочь смыло водой.

Вид на огни города отдавал горько-сладким послевкусием. С одной стороны, это был знак, что дела идут всё лучше. С другой стороны, это означало, что другие люди начинают возвращаться к своим привычным жизням, в то время как жители лагерей застряли в своего рода подвешенном состоянии.

Четверть города исчезла, и я сомневалась, что городская администрация позволит мне строить металлические дома, даже если люди будут на это согласны. Тем не менее, то, что было сейчас, по сравнению с другими пострадавшими городами, выглядело гораздо лучше. Да, приходилось собирать группы по 10-20 человек и расселять их по временному жилью, но в других городах группы на расселение составлялись бы из сотен людей.

Дела шли всё лучше и лучше.

Если говорить о благотворительности, то обычно получать деньги было удобнее, чем старую одежду, потому что рабочим требовалось время на её сортировку и приведение в презентабельный вид. Это были гигантские запасы одежды, и история с ней заканчивалась в основном тем, что она отправлялась в страны третьего мира, разрушая их собственную швейную промышленность и помогая им оставаться в нищете.

Люди и сейчас присылали в Броктон-Бей одежду и другие вещи, но в этом случае это хотя бы было полезным. Ночи в городе были холодными, и даже подогрев полов, который я периодически устраивала, не очень помогал без одеял.

ФЕМА прислала майларовые* полимерные одеяла, хотя они были невероятно тонкими и лёгкими. Но это всё же было лучше, чем ничего.

Тем временем, городские чиновники находили мне десятки дел, которыми я должна была заниматься в любое время дня и ночи, и я подозревала, что подобная загруженность была создана для того, чтобы люди не признавали меня авторитетной фигурой, у которой есть собственные власть и влияние.

Но я и не возражала. Ремонт трансформаторов на следующий день шёл немного медленнее, чем установка столбов, несмотря на то, что весь предыдущий день я изучала карту, чтобы найти место для установки очередной опоры. Установить трансформатор было просто, вот только их сначала нужно было проверить на безопасность и эффективность.

Работу, на которую рабочая бригада тратила два часа, я выполняла за две минуты, и ещё пять минут уходило у электрика, чтобы проверить мои труды. Мы сбавили темп, и за десять часов восстановили шестьдесят точек. На пару мы сделали больше, чем другие городские работники, хотя на временные работы в город прибывали электрики из других штатов.

И всё же, эти два дня были невероятно долгими.

В ту ночь я устало сидела у костра. Докеры были заняты каким-то своим делом — это был последний проект папы. Он вроде как взял на себя мою роль неофициального лидера в лагере, и в отличие от меня, городская администрация не могла ему помешать, потому что работа, которую он выполнял, была слишком полезна. Он узнавал о проблемах и реагировал на них быстрее, чем кто-либо другой, а его насекомые были почти такими же пугающими, каким был Лунг, по крайней мере, для некоторых людей.

ИРП**, индивидуальные рационы питания, были не особо вкусными, но весьма удобными. Я могла бы улизнуть в Бостон, чтобы нормально поесть, но мне казалось важным, чтобы люди видели, как я живу в таких же условиях, что и они.

Я пялилась в пустую коробку из-под моего ИРП, когда кто-то сел на бревно напротив меня.

Подняв глаза, я с удивлением узнала Суку.

Я давно её не видела, по крайней мере, с той нашей первой встречи. Она смотрела на меня с выражением, которое я не могла понять.

— Не спрашивай меня, — раздражённо откликнулся дедушка на моё любопытство. — Её труднее понять, чем обычного человека.

— Привет, — первой подала я голос.

Она пробуравила меня тяжёлым взглядом, прежде чем заговорить.

— Слышала, что ты отправила Левиафана в путешествие в один конец.

— Ага.

— Тебя не волнует, что он может вернуться?

— Это будет зависеть от того, может ли он создавать воду из ничего, — ответила я. — В космосе не так уж и много воды, но если он умеет её создавать, то сможет использовать её в качестве ракетного движка.

— Значит, он может вернуться?

— Тут такая штука с Левиафаном, — ухмыльнулась я. — Дело в том, что он слепой. Так что он будет зол, как собака, когда попытается найти путь обратно на Землю***.

На этот раз она, казалось, поняла мою шутку. Она издала короткий, лающий смешок.

— Почему ты здесь? — решила спросить я.

— В битве погибло много собак, — сказала она. — Люди слишком заняты, чтобы им помогать, даже если им не всё равно.

— Ты хочешь, чтобы я с этим что-то сделала? — уточнила я.

— Люди говорят, что это к тебе надо идти за вещами, — сказала она.

— Почему бы тебе не обратиться к своему боссу? — спросила я, прощупывая почву.

С тех пор, как мы с ней виделись в последний раз, я многое узнала о криминальном мире, и у дедушки имелось несколько предположений, на кого на самом деле могли работать Неформалы, которые частично опирались на выбранные ими цели и их удивительные успехи.

— Больше не работаю на них, — сообщила она. — Им не понравилось, что я помогаю тебе.

Имела ли она в виду Неформалов или их загадочного босса? Беспокоились ли они о том, что преданность Суки будет подпорчена, или же просто хотели, чтобы между ними и мной сохранялась как можно большая дистанция?

— А ты не думала поработать на кого-нибудь другого? — спросила я.

— Ты всех убила, — ответила она. — Империя могла бы взять меня. Не могу быть в АПП... слишком белая. Барыги могут навредить моим собакам.

— Ты могла бы работать на меня, — предложила я. — У меня есть кое-какие деньги, их достаточно, чтобы содержать приют, и у меня даже может оказаться достаточно связей, чтобы спасти тебя от тюрьмы. Как ты относишься к тому, чтобы стать бродягой вместо злодея?

— Чего ты хочешь? — с подозрением спросила она.

— Ну, начнём с того, что ты могла бы помочь докерам сохранять порядок. Не все люди верят, что я, как и Лунг, способна причинить им боль, поэтому некоторые ведут себя буйно. Я не

хочу, чтобы кто-то погиб или серьёзно пострадал.

— Значит, тебе нужен охранник, — сказала она.

— На данный момент да, — подтвердила я. — Я уверена, что смогу задействовать протокол перемирия и для тебя, по крайней мере до тех пор, пока люди проживают в лагерях. А после мы позаботимся о том, чтобы твоё имя было очищено.

— Я убивала людей, — напомнила она. — Люди такое не забывают.

— Я тоже, — спокойно ответила я. — Но ты же не знала, что делаешь, по крайней мере, не в первый раз. Мы что-нибудь придумаем, у меня очень хороший адвокат.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она.

— Подумай вот о чём — если я не помогу тебе, ты продолжишь делать то, что делала раньше: воровать и делать людям больно. Если я смогу тебе помочь, ты прекратишь это делать и просто начнёшь помогать собакам. Какой выбор сделает мир лучше?

Она с сомнением посмотрела на меня.

— Люди так не думают.

— Может, если бы они так думали, мир был бы лучше, — сказала я. — Люди думают, что благотворительность это просто помощь кому-то постороннему, но дело ведь не только в этом. Люди в Африке много голодают, в основном из-за всех этих местечковых военачальников и паралюдей, которые рассеяны по континенту. Когда люди голодают, они легче заболевают. Африканские болезни гораздо хуже, чем те, что есть у нас, и достаточно одного больного парня в самолёте, чтобы эта зараза оказалась в нашей стране.

Из-за отблеска костра взгляд Суки казался непроницаемым.

— И что? — наконец-то спросила она.

— И то, что если я пойду и позабочусь о тамошних военных лидерах и обеспечу их достаточными запасами еды, будет ли это благотворительностью? Если это будет также означать, что через год я не заболею какой-нибудь жуткой заразой?

— Значит... ты помогаешь себе, помогая другим людям?

— Точно! — подтвердила я. — Я ненавижу то, что Броктон-Бей превратился в выгребную яму, переполненную преступностью и отчаянием. Будь я обычным человеком, то мало что могла бы с этим сделать. Но я не обычный человек, и есть вещи, которые мне сделать под силу. Я могла бы собрать вещички и переехать в Нью-Йорк, потому что привести в порядок город, который так сильно пострадал, слишком сложно, но я об этом даже не думаю.

— Некоторых собак нужно усыплять, — заметила Сука.

— Но что, если бы у тебя была больная собака, которая смогла бы стать лучше, если выздоровеет? — спросила я. — Снаружи всё выглядело бы очень плохо, но внутри она была бы сильной. Разве будет правильным убивать такую собаку?

Она неохотно кивнула.

— Я смотрю на тебя и вижу такую вот собаку, — продолжала я. — Такую, которая прогнулась под давлением мира, но которая на самом деле хорошая где-то в глубине души. Такая собака может быть предана настолько, насколько не смогла бы никакая другая, и эта преданность действительно впечатляет.

Она довольно долгое время молчала.

— Мне кое-что понадобится, — сказала она. — Собачий корм недешёв, во всяком случае, когда собак много.

— Ещё тебе понадобится здание, — продолжила я. — Какое-нибудь достаточно большое помещение, чтобы вместить всех собак, и достаточно просторное, чтобы у них было где побегать. Оно должно находиться в городе?

Сука отрицательно помотала головой.

— Я думаю, что они будут счастливы жить в месте, где будет хоть немного растительности. Не думаю, что в Броктон-Бей будет что-то расти в ближайшее время.

Деревья смыло вместе с домами. В более обеспеченных частях города они всё ещё оставались, но в бедных районах об этом не будут волноваться ещё долгое время. Раньше Сука устраивала приюты среди множества заброшенных складов, но те времена давно прошли, особенно с учётом того, что сейчас территорию складов взяли на себя докеры.

— Я могу без проблем построить подходящее место, — сообщила я. — Холодильник не будет соответствовать спецификациям, и придётся нанять несколько человек, которые смогут поместить там аппарат по выработке фреона. Всё из-за некоторых глупых правительственных постановлений.

— Не думала, что ты будешь беспокоиться о таких вещах.

— Просто поверь, — вздохнула я. — Ты можешь сунуть нос в дела правительства, но с такими силами, как Охрана окружающей среды и Налоговая служба****, лучше вести дела честно. Просто вспомни Аль Капоне.

Сука была в замешательстве.

— Он был гангстером примерно 80 лет назад. Сухой закон. Ничего не напоминает? — в итоге я решила не забивать себе этим голову. — Не важно. Важно лишь то, что ты сама решаешь, что имеет значение и за что стоит бороться, да и эту фреоновую штуку лучше в любом случае доверить профессионалам.

Пожав плечами, она уставилась в огонь. Она выглядела такой же потрёпанной, как и остальные выжившие.

— Я даже куплю земли. Одно во всём этом хорошо — многие люди будут думать, что Броктон-Бей не заслуживает внимания, и земля будет продаваться супердёшево. Я докажу им всем, что они ошибаются.

Это могло быть неплохой идеей — купить часть земли в районе доков. Я бы не стала обманывать и так бедных людей, к тому же у многих из них всё равно не было собственного дома. Если мои проекты по городской застройке окажутся удачными, цена на землю должна

будет взлететь до небес.

Или ещё лучше — если я решу вновь построить башню, я смогу убедиться в том, что больше у меня не будет раздражающих соседей.

Тейлор Эберт, перекупщик земли. И почему это не звучало странно?

Я представила себя одетой как тот человечек из игры Монополия, во фраке и с моноклем в глазу. И фыркнула про себя.

Может быть, я разбогатею настолько, что смогу купить остров?

-

* Майларовые одеяла выглядят как одеяла из фольги, они совсем не тканевые. Используются обычно при спасательных операциях, чтобы отогреть замёрзших людей.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%B0%D1%80>

** в оригинале используется сокращение MRE - meal, ready-to-eat. Его также можно перевести как еда быстрого приготовления или паёк (с намёком на армейские пайки)

*** в оригинале «It's going to be a real bitch to figure out where Earth is from all the way out there». Если дословно, то «он станет настоящей сучкой, когда будет пытаться найти путь на Землю». Спасибо за помощь с переводом товарищу Antibot! В тексте использован его вариант.

**** тейлор использовала сокращения «EPA and the IRS». EPA - Enviromental Protection Agency, Управление по охране окружающей среды. IRS — Internal Revenue Service, Внутренняя налоговая служба, или налоговое управление.

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687993>